

Ноймайер Джон

21.12.09

опыт Газета — 2004 — 21 дека — с. 13.

“балет не должен соревноваться с CNN”

Завтра труппа Большого театра впервые представит балет «Сон в летнюю ночь» — популярную во всем мире постановку живого классика хореографии XX века Джона Ноймайера. Он не раз упоминал, что одним из сильнейших мотивов, побудивших его к выбору профессии, был именно балет Большого театра — знаменитый «Спартак» Юрия Григоровича. Но лишь теперь, создав в танце собственную эпоху, Ноймайер впервые работает в Большом. Накануне премьеры с Джоном Ноймайером встретился корреспондент Газеты Ярослав Седов.

Одновременно с подготовкой премьеры в Большом вы следите за работой над спектаклем в Гамбурге.

Да, так совпало, что там сейчас ставится «Тщетная предосторожность». Я всегда стараюсь не отрываться от дел в Гамбургской труппе, где бы в данный момент ни находился. Когда работаешь в другой труппе, ощущение, будто у тебя романчик на стороне. А нужно, чтобы семья была в покое.

Ну, иметь роман с Большим театром, должно быть, неплохо. Как говорится, «красть — так миллион, любить — так королеву».

Конечно! (Смеется.) Когда я работаю вне своей труппы, на это всегда есть особые причины. Не только потому, что я хочу сделать больше, но благодаря качеству того, с чем я имею дело. Я надеюсь, что в данном случае это диалог. Его содержательность зависит от того, насколько партнеры могут обогатить друг друга.

Что приобретет Большой театр, мы можем предположить. А какого обогащения вы ждете для себя?

Есть две важные части. Одна заключается в моем, скажем так, историческом любопытстве. Как хореограф я вообще очень интересуюсь традициями и, в частности, историей этого дома, Большого театра. Я собиратель и исследователь ее свидетельств, но в то же время я и сам пишу часть этой истории. В том, что касается таких огромных трупп, как труппа Большого, для меня важно не просто знать, какой образ они создают или каким фактом искусства являются, но и попробовать самому приобрести опыт взаимодействия с ними.

Другая часть — опыт танцовщиков. Балет — искусство, сформированное в основном в XIX веке. И мне всегда очень интересно видеть, как артисты соотносят это искусство с сегодняшним днем. Сейчас непосредственно от танцовщиков я ничего не беру, мы воспроизводим здесь спектакль, который я поставил давно. Но я все равно с интересом смотрю на исполнителей — делают ли они это искренне и честно. Я не хочу просто видеть свои балеты так, как я видел их раньше. Я пытаюсь увидеть их глазами сегодняшнего дня и что-то открыть заново. Ведь в нашем мире есть разные националь-

ности, школы, человеческие отношения, идеи самого искусства и взгляды на его взаимоотношения с жизнью. Они совершенно различны в Гамбурге и Москве. Так же различно и отношение к художнику, к тому, почему он делает ту или иную работу. В зависимости от этого контекста смысл и воздействие спектакля совершенно меняются.

А как, на ваш взгляд, в последнее время меняются отношения балета с окружающей его действительностью?

С одной стороны, наше общество сейчас, так сказать, визуально ориентировано. Люди скорее смотрят новости, чем слушают их. Они могут увидеть, что происходит в Ираке, в соседнем городе, на краю земли. Танец как визуальное искусство отвечает этому мировосприятию. Но балет не должен соревноваться с CNN. Тут другая форма визуальности. В сущности, то, на что интересно смотреть, — это то, что искренне, истинно. То, что настоящее. У меня нет формулы, как в балете быть современными: это зависит от индивидуальности каждого артиста, постановщика и зрителя. Но, по-моему, нам интересно смотреть на то, что трогает нас. Это не технический перфекционизм. Мы видим его в кино, компьютерах: техническая безупречность нам доступна. Для ориентира в искусстве вернее использовать понятия «честное», «подлинное». Это то, что делает исполнение великим, — когда ты веришь, что это событие происходит только сейчас, в эту секунду. Как видите, у меня нет ответа, как балет — искусство «прямой» коммуникации — может вступить в соревнование с бесконечным количеством развлечений, кото-

Джон Ноймайер — Газете



Джон Ноймайер: «Я верю, что ничто не сможет заместить отношений между одним и другим человеческим существом» Фотограф: Екатерина Беляева

рые предоставляют наше время и новые технологии. Но я по-прежнему верю, что ничто не сможет заместить отношений между одним и другим человеческим существом.

Что включает в себя ваша деятельность в Гамбурге кроме постановки балетов?

Основа — это, конечно, мое собственное творчество, так что ядро гамбургского центра — труппа. Поскольку она должна обновляться, понадобилась школа. За много лет я добился возможности объединить их под одной крышей в новом здании. Конечно, в школе есть педагоги, дирекция, но и я сам

включен в учебный процесс. В идеале для меня школа и театр должны работать вместе. Дети участвуют в спектаклях, их стимулирует мастерство артистов, а у тех, в свою очередь, возникает вдохновение от того, с каким восторгом на них смотрят ученики. Создается микрокосмос, в котором мне нравится работать.

Находит ли ваша страсть к коллекционированию воплощение в работе гамбургского центра?

Да. У нас работают и учатся люди разных национальностей, даются разные классы, изучаются многие пластические системы. Ну а свою балетную коллекцию я начал собирать очень рано. Я родился в Милуоки. Это средних размеров город, не особенно интересный в отношении культуры и тем более танца. Когда в детстве я ощутил, что хочу им заниматься, начал собирать все, что могло бы открыть мне тайны этого искусства. Это было нелегко. Я сам из очень простой небогатой семьи. Чтобы купить книжку, надо было откладывать деньги, в чем-то себе отказывать. Но и позже, когда я уже стал зарабатывать, вкладывал все в собирание материалов о танце. Теперь мы хотим сделать это собрание доступным исследователям, ар-

тистам, открыть в Гамбурге институт. Не музей: иначе другие музеи будут возражать, что город финансирует нас вместо того, чтобы дать деньги им. А еще я пытаюсь преподавать историю танца. Я уверен, что она должна быть рассказана максимально живо. Но скажу страшную вещь: если живо не получается и студенты скучают, слушая, как Тальони сделала то-то и то-то, я предпочту, чтобы они поскучали, но все-таки историю узнали.

А хореографов вы учите?

Мне кажется, можно научить каким-то принципам мастерства: балансу, ритму, композиции. В нашей школе есть важный элемент — работа над танцевальными композициями. Студенты должны сделать их в предвыпускных классах. Я думаю, таким способом мы приходим к тому, с чего я начал, — к диалогу. В данном случае между исполнителем и хореографом. В ходе занятий мы находим способных студентов. Вот, например, японец Юкичи Атой: пока учился, ставил талантливые номера, у него очень своеобразный почерк. А сейчас, к концу обучения, приготовил работу, которая войдет в репертуар Гамбургской труппы.

газета

коллекционер

Джон Ноймайер родился в 1942 году в Милуоки (США), где начал заниматься танцем. Получил степень бакалавра английской литературы и театроведения в Маркеттском университете. Завершил хореографическое образование в школе английского Королевского балета и Королевского датского балета. С 1963-го солист, а с 1969 года директор Франкфуртского балета, где осуществил первые постановки. С 1973-го — худрук Гамбургского балета, при котором в 1978 году основал школу. Джон Ноймайер поставил более 130 балетов: многоактные спектакли и миниатюры, редакции классических постановок, концертные номера, танцы в операх. «Сон в летнюю ночь» Ноймайер поставил в 1977 году, с тех пор он в репертуаре крупнейших театров мира.